

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

ИЗ ИСТОРИИ КЛАНА КЕННЕДИ *

Н. Н. Яковлев

5. «Я не боюсь бояться» —

так говорил Р. Кеннеди незадолго до своей гибели. После смерти Джона он, должно быть, решил бросать вызов судьбе на каждом шагу. Новое несчастье в семье только добавило отчаянности: через восемь месяцев после трагедии в Далласе Эдвард Кеннеди попал в авиационную катастрофу, двое пассажиров в самолете погибли, Эдвард получил серьезную травму позвоночника и лишь несколько месяцев спустя смог снова стать на ноги, но отныне вынужден был носить специальный корсет. Журналист У. Шаннон осведомился у Роберта, не поколебалась ли его вера в Бога после гибели двух старших братьев и увечья младшего. «Не поколебалась, — ответил тот, — конечно, нам иногда думается, что кто-то там, на небесах, иной раз дремлет в то время, когда надо было бы заниматься делом».

В последние годы жизни Роберт нередко шел на escapades, трудные и опасные для сорокалетнего мужчины. В нем обнаружилось какое-то болезненное чувство неотложности, торопливости. «Казалось, — заметил журналист Х. Сиди, — он скользит в ужасную пропасть, к неминуемой катастрофе. Он стремился сделать и попробовать все. Тогда-то он и начал на лодке форсировать пороги и карабкаться по горам». Далеко не первоклассный альпинист, он совершил восхождение на самую высокую среди непокоренных вершин в Северной Америке Маунт-Кеннеди (4 тыс. м), названную так в память о его брате. Это было опаснейшим предприятием: обрывистая гора находится почти в арктическом районе Канады. «Я сделал это потому, что боюсь высоты», — объяснил Роберт. Другое испытание он устроил себе в тропиках: в 1965 г. прыгнул с лодки в воды Амазонки, кишящие хищными рыбами — пираниями. Индейцы в ужасе закричали, что он рискует жизнью. «Слышали ли вы о каком-нибудь американском сенаторе, сожранном пираниями?» — крикнул из воды Роберт и продолжал плыть. То были акты самоутверждения.

Р. Кеннеди прекрасно понимал, что одного физического мужества мало для продвижения. В битность министром юстиции он любил произносить перед подчиненными назидательные речи примерно такого содержания: «Не забывайте, что я пришел сюда, в министерство, десять лет назад на должность помощника прокурора с окладом в 4 200 долларов в год. Но я способен и честен. Я интересовался делом и задерживался по вечерам. Мой брат стал президентом, и вот теперь я министр». Помедлив и улыбувшись, Бобби заканчивал: «Конечно, эти обстоятельства перечисляются не в порядке их значимости»¹.

Смерть Д. Кеннеди лишила министра юстиции привычной поддержки (да и Гувер немедленно возобновил старую практику непосредственного доклада президенту, минуя министра), но не могла отнять у него духовного наследия покойного брата. Известность Роберта в стране круто возросла. Наступил 1964 год — время очередной кампании по выборам президента. У тех, кто работал с Р. Кеннеди, сомнений не было: Роберта — в вице-президенты! Жаклин, собиравшаяся приветствовать конвент демократической партии, объявила, что в любом случае она стоит за Бобби. Сам Роберт 22 июня 1964 г. официально заявил, что не будет выставлять свою кандидатуру в сенат от штата Нью-Йорк. Он, несомненно, считал, что заслужил пост вице-президента.

* Окончание. Начало см. «Вопросы истории», 1970, № 9.

¹ N. Thimmisch, W. Johnson. R. F. K. at 40. Boston. 1965, p. 26.

Джонсон придерживался противоположного мнения. Буквально с самого дня смерти Джона он лишь подыскивал повод, чтобы избавиться от сотрудничества с Робертом. На подступах к избирательной кампании 1964 г. представилась возможность свести старые счеты. 29 июня президент вызвал Роберта и, не отрывая глаз от бумаги, зачитал: «Я думал о вице-президентстве. У вас блестящее будущее, хорошее имя и мужество, но вы находились на правительственной службе слишком долго. Я серьезно рассмотрел вашу кандидатуру и счел нецелесообразным выступать на выборах с вами». Президент осведомился, не откажется ли Роберт сам от выдвижения. Тот отклонил предложение. Выходя из кабинета, потрясенный министр просительно произнес: «Я был бы вам очень полезен». Джонсон отечески заверил, что в ближайшие месяцы Р. Кеннеди сумеет оказать неоценимые услуги любимой партии.

Выбросив за борт Роберта, президент был вне себя от радости. «И надерусь же я теперь, ребята!» — сообщил Джонсон в лучшем стиле техасца. «Наконец смахнул треклятую птицу с моей шеи!» — торжествующе кричал он. На следующий день президент пригласил в Белый дом троих журналистов. За затянувшимся ленчем он со смаком рассказывал, как проходила беседа с честолюбивым министром (разумеется, в собственной интерпретации). Президент передразнивал Роберта и даже настаивал, что услышал, как тот «поперхнулся», узнав о вердикте. Услужливые сплетники тут же довели все это — дословно и даже с прибавлениями — до сведения клана Кеннеди². В окружении Р. Кеннеди не скрывали своего отношения к новому президенту. Один из соратников Роберта так отозвался о Джонсоне: «Этот собачий сын сбил нас!»³. Президент отказал затем Роберту еще в одной просьбе — отправиться американским послом во Вьетнам.

25 августа, в день открытия конвента демократической партии в Атлантик-Сити, Р. Кеннеди объявил, что будет баллотироваться в сенат от штата Нью-Йорк. На конвенте почти 15 минут 5 тыс. делегатов и гостей, собравшихся в огромном зале, кричали: «Мы хотим Кеннеди!» Он раскланялся на трибуне, поблагодарил за доверие и напомнил о брате: «Когда я думаю о президенте Кеннеди, то припоминаю слова Шекспира в «Ромео и Джульетте»:

Когда же он умрет,
Изрежь его на маленькие звезды,
И все так влюбятся в ночную твердь,
Что бродят без вниманья день и солнце.

Затем Р. Кеннеди отправился в штат Нью-Йорк отнимать место у 64-летнего сенатора-республиканца Б. Китинга, отслужившего в Капитолии 18 лет. Республиканцы попытались обьявить ньюйоркцам, что у них уже есть свой сенатор, Китинг, только и делавший добро. Рассудительного Китинга действительно неплохо знали. Роберту было необходимо срочно предстать не холодным государственным деятелем, а добродушным кандидатом. И 3 сентября 1964 г. он ушел в отставку с поста министра юстиции... О государственной службе покончено. Это просто. А как приобрести образ добряка? Роберт не недооценивал сложности задачи. Когда организатор пропагандистских телевизионных передач в штате Нью-Йорк заявил ему: «Основная цель нашей пропаганды, Боб, изобразить вас мягким, искренним человеком», — Роберт с редким юмором отозвался: «Вы собираетесь использовать двойника?»⁴.

Но до этого дело не дошло, поступили привычнее. За 10 тыс. долларов наняли сатирика Г. Гарднера, сочинявшего шутки для развлекательных программ. Арендованный вертолет задал темп кампании. Роберт облетал на нем штат, выступая повсюду. Оплата проката вертолета — 525 долларов в час. В Гарлеме Роберт сообщил: «Ассигнования на войну с бедностью в Гарлеме сокращены до 30 млн. долларов, это даже не капля в бочке для города, тратящего на общественное благосостояние ежегодно 600 млн. долларов. Ребята здесь не глухие. Они знают, что наше общество расходует для отправки человека на Луну 7 млрд. долларов в год. Они видят новые здания на Пятой авеню и Мэдисон-авеню. Но они лишены всего этого». Вспом-

² E. Goldman. The Tragedy of Lyndon Johnson. N. Y. 1969, pp. 79, 199—200.

³ См. W. Nicholas. Bobby Kennedy... N. Y. 1967.

⁴ D. Ross. Robert F. Kennedy: Apostle of Change. N. Y. 1968, p. 28.

нив об острой проблеме загрязнения воды, Роберт доверительно сообщил на митинге: «Вы знаете, поговаривают: Китинг сбрасывает мусор в Гудзон».

Влиятельные демократы в Нью-Йорке (а их собралось 120 человек) образовали комитет «Демократы за Китинга». Среди них были журналисты, писатели (в том числе Б. Тачман) и актеры. В заявлении комитет указывал: «Мы не можем поддержать Роберта Кеннеди на выборах... Он противник либералов и человек с весьма опасными авторитарными тенденциями». Может быть, они и руководствовались такими помыслами, но другие стремились нанести поражение Р. Кеннеди иным путем. В разгар кампании была опубликована брошюра Ф. Копелла «Странная смерть Мэрилин Монро». На 70 с небольшим страницах доказывалось, что актриса была убита Р. Кеннеди в сговоре с «коммунистами», ибо он потерпел неудачи в своих любовных домогательствах к «королеве секса».

Избирательная кампания обошлась дорого. 18 сентября «New York Times» сообщила: «Стратеги Кеннеди собираются истратить на нее 1—1,5 млн. долларов. Мистер Кеннеди должен собрать или оплатить сам почти весь избирательный фонд». Точных подсчетов по завершении выборов не проводилось, однако известно, что только на оплату выступлений Р. Кеннеди по телевидению ушло около миллиона долларов. Издатель Стоун саркастически заметил накануне выборов: «Говосовать за Кеннеди не означает просто голосовать за сенатора. Он ведет себя так, будто страна задолжала ему Белый дом»⁵. В ноябре 1964 г. Р. Кеннеди был избран в сенат от штата Нью-Йорк большинством в 719 693 голоса. Л. Джонсон прошел в президенты в этом штате большинством в 2 666 597 голосов. Выступая после выборов, Роберт сообщил, что их итоги «являют собой убедительный мандат в пользу политики Джона Ф. Кеннеди и, конечно, Линдона Джонсона»⁶.

С 1965 г. Р. Кеннеди заседал в сенате США. Он переоборудовал канцелярию, доставшуюся ему по праву добычи от Китинга, и поставил там чучело громадного бенгальского тигра. Тут же остряки провели параллель между зверем и новым сенатором. «Убрать тигра!» — распорядился расстроженный Роберт и обратился к делам. Он всецело поддерживал программу «великого общества» Л. Джонсона. Если сенатор Р. Кеннеди не соглашался с администрацией, то главным образом относительно размеров ассигнований, потребных на социальное обеспечение, помощь беднякам, расчистку трущоб и т. д. Он требовал их увеличения, рассчитывая в будущем получить голоса этих избирателей. В 1966 г. он предложил, чтобы автомобильная промышленность тратила 5 проц. своих прибылей для оборудования машин приспособлениями, обеспечивающими безопасность движения. В августе 1967 г. Роберт обвинил ряд банков и универсальных магазинов в том, что они рекламируют потребительский кредит, «прибегая к обману». (Он постоянно нападал на табачную промышленность за то, что ради прибылей фабриканты «проталкивают смерть», и внес три билля об ограничении продажи табачных изделий. В связи с негритянскими волнениями летом 1965 г. Р. Кеннеди категорически заявил: «Нет смысла говорить неграм: повинуйтесь закону..., ибо для многих негров закон — враг». В области трудового законодательства сенатор высказывался за отмену ненавистного раздела 14-б закона Тафта — Хартли, разрешающего штатам отменять «закрытый цех», то есть практически сводящего к нулю значение профсоюза при найме и увольнении с работы. Комитет политического просвещения АФТ — КИП нашел, что Р. Кеннеди всегда «на 100 проц. голосовал за профсоюзы». Эти и многие другие деяния Р. Кеннеди на трибуне составили ему репутацию либерала. К 1968 г. организация «Американцы за демократические действия» нашла, что Кеннеди — один из двух сенаторов, в текущем составе конгресса «полностью набравших очки как либералы».

Он очень торопился: говорил, говорил, ссылался на авторитеты. Группе сенаторов Роберт заметил однажды: «Описывая войны древнего мира, один из их генералов, Тацит, сказал...». Сенаторы недоумевали: до сих пор они считали Тацита историком. Политическая деятельность меняла Роберта на глазах. Как-то он показал руку журналисту и объяснил, что из-за рукопожатий правая ладонь у него стала шире левой. «Но, — добавил Роберт, — у моего брата она была еще шире». Сенатор остался верен

⁵ «J. F. Stone's bi-Weekly», October 19, 1964.

⁶ «United States News and World Report», May 6, 1968, p. 53.

своей прежней привычке исходить при оценке внешнеполитических проблем и из личных впечатлений. Еще в 1955 г. вместе с членом Верховного суда У. Дугласом он посетил Советский Союз. «Поездка в Россию,— рассказывал Дуглас,— была идеей его отца, и тот попросил меня взять Роберта. Поездка заняла семь недель. Бобби много не говорил, но был очень наблюдателен и вообще составил приятную компанию. Поездка по России потрясла его. Мы воспитаны в замкнутом обществе, где все коммунистическое считается злом. Однако когда в Сибири Роберт заболел и температура подскочила свыше 40 градусов, русская женщина-врач просидела безотлучно у его постели 36 часов и спасла ему жизнь». По возвращении из СССР Роберт в беседах с близкими друзьями стал высказываться в том смысле, что Соединенные Штаты не заключают еще в себе всего мира.

За годы пребывания в сенате Р. Кеннеди предпринял три больших зарубежных турне — в Европу, Южную Африку и Латинскую Америку. В латиноамериканских странах, где он побывал в конце 1966 г., сенатор увидел ужасающие условия жизни. Он заметил одному плантатору: «Вы собственными руками готовите себе гибель. Если вы не платите приличной заработной платы, то подрываете собственное общество». Им двигали отнюдь не сентиментальные порывы, а трезвый расчет. Посетив угольные шахты в Чили, где добыча угля велась под дном океана, он в лоб спросил управляющего: «Если бы вы работали там простым шахтером, то стали бы коммунистом?» Немного поколебавшись, тот ответил утвердительно. Кеннеди безоговорочно резюмировал: «Если бы я работал на этой шахте, то тоже был бы коммунистом»⁷.

Вернувшись в США, Р. Кеннеди похвалился, как именно он донес истину до туземцев, живущих южнее Рио-Гранде. Выступая в Нью-Йорке на конференции, посвященной развивающимся странам, он сказал, что описывал американскую экономику во время поездки как «электрический социализм»: «Не потому, что она является таковой, а потому, что для них такой термин будет звучать точнее, чем система свободного предпринимательства». Однако термин в аудитории прошел как-то незамеченным. Только потом выяснилось, что машинистка при перепечатке речи по ошибке написала «электрический» вместо «эклетикий». Оратор, не задумываясь, прочитал текст⁸. Но в конце концов он ведь никогда не был ученым.

Что касается сути речей, то философия их была в принципе знакомой: сформулирована Дж. Кеннеди и слегка отредактирована советниками Роберта. Сумма взглядов последнего на внешнюю политику США сводилась к трем положениям: обеспечение мощи страны, достаточной для «достижения американских интересов», причем «необходимо иметь мудрость не использовать эту мощь непосредственно и без разбора»; распространение в мире «понимания того, за что стоят Соединенные Штаты»; борьба против коммунизма должна вестись через «прогрессивные практические программы, ликвидирующие нищету, бедность и недовольство, на которых он процветает». Не слишком сложные теоретические выкладки. Тем не менее Р. Кеннеди считал их достойными особых книг. В книге «Достижение справедливости» он изрек: «Москва остается энергичной и бдительной, и ее вызов нашей свободе опасен и постоянен. Календарь коммунистических замыслов рассчитан на десятилетия, а не на недели. Как же предупредить эти замыслы? Требуются, по Р. Кеннеди, «различные реакции». На его взгляд, основа основ такова: «Хотя мы достигли некоторых успехов, но не овладели искусством противопартизанских действий... Мы не отточили технику подготовки подданных других государств для борьбы против коммунизма... Этот вид войны может необычайно затянуться, оказаться дорогостоящим, но он необходим»⁹. Журналист, взявший в начале 1967 г. интервью у Р. Кеннеди, заключил: «Кеннеди не за окончание холодной войны, а за то, чтобы вести ее новыми, изощренными методами»¹⁰. Новизна, однако, сомнительная.

Во второй половине XX в. Р. Кеннеди переформулировал традиционный принцип внешней политики американской буржуазии: воевать чужими руками, придерживаясь известного принципа «баланса сил». С этой позиции он и подходил к войне во Вьет-

⁷ M. L a i n g. Robert Kennedy. L. 1968, pp. 124, 218—219.

⁸ V. L a s k y. Robert F. Kennedy. The Myth and the Man. N. Y. 1968, pp. 21—22.

⁹ R. K e n n e d y. The Pursuit of Justice. N. Y. 1967, pp. 110, 129—130.

¹⁰ «Kamparts», February 1967, p. 16.

наме, оказавшейся удобным поводом для флангового маневра против администрации Л. Джонсона — обхода слева. То, что война была непопулярной в стране, сомнений не вызывало, как был очевиден и тот факт, что сенатор Кеннеди послушно вотировал все правительственные ассигнования на ее ведение. Пути Р. Кеннеди и джонсоновской администрации начали расходиться где-то на рубеже 1965—1966 гг., когда Вашингтон направил во Вьетнам крупные контингенты американских войск. Кеннеди видел в этом нарушение вековых принципов внешней политики США, вдруг взваливших на себя все бремя военных операций. Прогрессивные силы страны, протестовавшие против вьетнамской авантюры по совершенно иным мотивам, объективно оказывались на его стороне.

Хотя в начале 60-х годов Р. Кеннеди стоял у истоков агрессии во Вьетнаме, ее размах, во всяком случае для него, оказался непредвиденным. В 1962 г. министр юстиции писал: «Мы победим во Вьетнаме. Мы останемся там до победы... Я думаю, что американский народ понимает и полностью поддерживает эту борьбу»¹¹. Теперь он заговорил по-другому. В речи от 19 февраля 1966 г. Р. Кеннеди высказался за прекращение войны путем переговоров, предусмотрев для Национального фронта освобождения Южного Вьетнама «долю власти и ответственности» в новом правительстве.

Джонсон был в ярости и вызвал сенатора в Белый дом. Президент употребил знакомый ему жаргон техасских скототорговцев: «Если ты посмеешь еще так говорить, то потеряешь политическое будущее в стране... В ближайшие шесть месяцев вы все, «голуби», будете уничтожены... Не желаю больше слышать твоих взглядов о Вьетнаме и не желаю больше тебя видеть». Роберт, в свою очередь, обозвал президента «мерзавцем» и закончил разговор фразой: «Не хочу сидеть здесь и жрать это дерьмо»¹². С тех пор они практически не виделись, но с острым любопытством допрашивали: Роберт — вернувшихся из Белого дома — «Что он сказал обо мне», а Джонсон осведомлялся, «Как там младенец Кеннеди». Президент сполна оплатил бывшему министру юстиции. «Этот трус» Джонсон, говаривал Роберт друзьям, отдал приказ подслушивать телефонные разговоры сенатора¹³. Впрочем, по принципу око за око, «люди Кеннеди» поносили президента, сторонники последнего не оставались в долгу. Они упоминали о Роберте с малолетними эпитетами типа «либерал-фашист», а популярнейшим призывом профессиональных сикофантов, толпившихся в Белом доме, было: «За бога и родину, вперед на Кеннеди!»¹⁴.

Тем временем Роберт, открыв золотую жилу политического роста — войну во Вьетнаме, без устали эксплуатировал ее. В речи в Нью-Йорке 23 августа 1967 г. он сказал, что выборы в Южном Вьетнаме — надувательство, в Чикаго 9 февраля 1968 г. доказывал, что США не могут выиграть там войну. Одному другу он заметил: «Я попытался всем, чем мог, остановить войну, но Джонсона остановить нельзя»¹⁵. А жизнь шла своим чередом. Роберту все больше надоедала размеренная жизнь сената, его раздражала парламентская процедура. Летом 1966 г., будучи на заседании комитета, членом которого он являлся, Р. Кеннеди некоторое время следил за спором почтенных сенаторов по поводу какой-то формулировки резолюции. Наконец, вскочил и завопил: «О, дьявол, да бросьте же монету — орел или решка?» — и выскочил из зала. Вспомнили: еще в бытность министром юстиции он терпеть не мог сенатских словопрений; в августе 1961 г. его выставили с галереи сената: жевал резинку.

Прежний оптимизм постепенно уступал у Роберта место трагическому фатализму. Он зачитывается сочинениями философа-эстета и писателя Камю; находит, что Эсхил, введший трагедийного героя в литературу, его «любимый поэт». Если раньше в разгар кампании 1964 г. фраза типа «А впрочем, не все ли равно, что я решу предпринять. Быть может, все мы уже обречены» была у него редкостью, то к концу 1967 г. такие высказывания раздавались все чаще и перемежались приступами молчаливого, болезненного уныния: «Я не могу сидеть сложа руки и гадать, не повредит ли мне в политической обстановке 1972 г. то, что я собираюсь сделать сейчас. Кто знает,

¹¹ R. Kennedy. *Just Friends and Brave Enemies*. N. Y. 1962, p. 10.

¹² M. Laing. *Op. cit.*, p. 222.

¹³ J. Newfield. *Robert Kennedy. A Memoir*. N. Y. 1969, p. 181.

¹⁴ E. Goldman. *Op. cit.*, p. 19.

¹⁵ T. White. *The Making of the President 1968*. N. Y. 1969, p. 74.

буду ли я жив в 1972 году?» А заканчивал свои размышления стереотипной сентенцией: «Я не знаю, что делать, если не буду избран президентом».

Мысль о президентстве, словно рок, неотступно преследовала его. Он мечтал отвоевать своему клану Белый дом, вернув американцам президента Кеннеди. «Послушание будет легче при понимании, — писал он в книге «Достижение справедливости». — Американцы — замечательный народ, когда дело доходит до выполнения того, что от них требуется. Я надеюсь, что следующая за этим лекция (не проведешь!) поможет разъяснить, чего от них ожидают». И это писалось для сведения демократической (каковой она почитает себя) американской нации! Р. Кеннеди был уверен, что в любом случае встреча народа с ним, сидящим в кресле президента, неизбежна. Вокруг него стало собираться «правительство в изгнании», в том числе лица, желавшие возвращения к власти администрации Кеннеди. «Мозговой трест» грядущей администрации заработал с осени 1966 г., когда в Гарвардском университете произошли события, беспрецедентные в истории этого вуза. Корпорация «Библиотеки Кеннеди» предоставила в дар аспирантуре по общественной администрации 3,5 млн. долларов с тем, чтобы отныне это учреждение носило имя Джона Ф. Кеннеди. Никогда еще в истории университета ни одно из его учреждений не называлось именем мецената.

Главное же, корпорация пожертвовала, кроме того, 10 млн. долларов на учреждение в рамках этой аспирантуры Института политики. В совещательном комитете, создаваемом для руководства институтом, одно место навсегда резервировалось за семьей Кеннеди. Средства на основание этих организаций главным образом принадлежали не самой семье, а составились из пожертвований тысяч американцев, желавших увековечить память погибшего президента. Однако, когда институт открыл свои двери, стало очевидно, что под маркой академического учреждения вырос «мозговой трест», обслуживавший нужды Р. Кеннеди. В печати высказывалась мысль, что открыто нарушены исконные каноны. Политика еще раз более чем властно вторглась в университетскую сферу. Руководители новых учреждений — директор аспирантуры Д. Прайс, директор Института политики Р. Нейштадт и председатель совещательного комитета института А. Гарриман — энергично опровергли «инсинуации». Семья же Кеннеди сохраняла приличествующее молчание, предоставив отругиваться профессуре, собравшейся в институте. Профессора неплохо справились с задачей, доказав respectableность новейших изменений в заповеднике академических свобод, каким по традиции почитается Гарвард. Некий анонимный поэт-сатирик откликнулся:

Оставь надежды подкупить
Ученого-политика
И посмотри, что он творит,
Являясь неподкупным критиком.
Всем ясно станет тут, друзья,
Что денежки истратишь зря.

Как бы то ни было, «культ личности» Кеннеди получил солидную базу. С 1966 г. Роберт повел себя уже как кандидат в президенты (разумеется, не объявляя об этом официально). В Капитолии из 100 сенаторов у него был самый большой штат секретариата и канцелярии — около 50 человек. Тем временем сенатор объяснял, каким путем надлежит пойти Соединенным Штатам. Его речи по калибру были крупнее поста оратора. Он говорил как уже наслаждающийся властью президент, конечно, «сильный», знающий лучше и больше других. Будущие Соединенные Штаты виделась Р. Кеннеди крепко сплоченной нацией, объединенной единой целью. Он понимал, что становой хребет государства — экономика. Как же двигать ее дальше? «Мы должны развивать просвещение и образование — основной капитал технологического общества». Министр обороны как-то сказал: «Контракты заключаются с теми, кто имеет умы», — и по основательной причине. 80 проц. нашего промышленного роста в XX столетии были результатом не капиталовложений и не роста населения, но последствием изобретений и рационализации. А изобретения и рационализация — прямое следствие состояния просвещения и образования, что достигается в великих университетах людьми, которые там обучаются» (речь 21 апреля 1965 г. в Сиракузской торговой палате). Р. Кеннеди предупреждал, что ответственность в наше время состоит не больше и не меньше, как в том, чтобы «возглавить революцию»: «Революцию, которая

будет мирной, если мы окажемся мудрыми, человеческой, если мы позаботимся о ней, успешной, если мы будем удачливы; но революция придет, хотим мы этого или нет» («Newsweek», 22 ноября 1965 г.), «Революция грянет независимо от нашего желания... Вопрос в том, как делают и как руководят революциями» («Commonwealth», 3 июня 1966 г.).

Сенатор собирался оседлать революцию в определенных целях: «Коммунизму в конечном счете должно быть нанесено поражение прогрессивными политическими программами, которые устраняют бедность, нищету и недовольство» (речь в Калифорнийском технологическом институте 8 июня 1964 г.). Этот тезис Р. Кеннеди постоянно развивал. Выступая 11 октября 1966 г. по случаю Дня Колумба в Нью-Йорке, сенатор открыл: «Наш истинный интерес — помочь создать мировой порядок, который заменит и улучшит порядок, потрясенный первой мировой войной, открывшей двери XX столетия». Здесь-то и прорвалась его ностальгия: до той войны в мире не было социалистических государств! Вернуть человечество назад; на основе новой технологии перевести часы истории на время до 1917 года; движение вперед в технике, но обращенное вспять в области социальных отношений — вот суть возрений Р. Кеннеди. Под этим углом зрения Роберт рассматривал и правление погибшего брата. Когда его спросили, в чем состоит высшее достижение тысячи дней администрации Джона Ф. Кеннеди, он объяснил: «Главное — восстановление в американском народе уверенности в себе, веры в наши идеалы и уверенность, что мы сможем выполнить требующиеся от нас. В течение многих лет, в особенности в результате советских успехов в космосе, а также постоянных утверждений о том, что коммунизм — волна будущего, такое убеждение распространилось. Я думаю, что он повернул течение вспять»¹⁶. Так развивалось политическое мышление Роберта Ф. Кеннеди. «Жесткость его суждений, — отмечает Т. Уайт, — была такова, что внешнему миру он представлялся человеком с диктаторскими замашками»¹⁷. Тем не менее многие склоняли головы, ибо в стране широко распространилось убеждение: что ни делай, «неизбежность Кеннеди» не опрокинуть.

Когда 16 марта 1968 г. во главе целого отряда (жена, девять детей и сотрудники) Р. Кеннеди появился в Капитолии и объявил о выдвижении своей кандидатуры на пост президента, это не было неожиданностью. «Легенда Кеннеди» вновь обрела плоть и кровь: в 1960 г. Д. Кеннеди сделал здесь такое же заявление. Обосновывая свое решение, Р. Кеннеди указал: «На карту поставлено не просто руководство нашей партией и даже нашей страной, а наше право на моральное руководство этой планетой». А 20 марта вниманию американцев было предложено исправленное и дополненное издание книги Р. Кеннеди «Обрести новый мир», первоначально увидевшей свет в конце 1967 года. То было его кредо для избирательной кампании. Скучноватая книжка, занявшая 235 страниц, не слишком блистала стилем, но изобиловала цитатами философов и общественных деятелей античной Греции. Язвительные либеральные критики, ослив труд сенатора, нашли, что гонорар в 150 тыс. долларов¹⁸ великоват. За что заплачено? Они утверждали, что перифраз речей из «Congressional Record» не соответствует понятию изящной словесности.

Книга открывалась главой, обращенной к молодежи. Автор развивал тезис, что общество, живущее ради прибылей, не может зажечь молодое поколение. Мир наживы не имеет высоких идеалов, убеждал Р. Кеннеди.

Не ставя под сомнение основной внешнеполитический курс США, он популяризировал наиболее рациональные, с его точки зрения, методы действий. «Мы не построили Соединенные Штаты на антикоммунизме, — заявлял сенатор. — Наша мощь проистекает из позитивной веры. Нам не нужно ни бояться, ни ненавидеть наших противников... Если мы хотим свести до минимума ущерб и опасность революции, мы должны сосредоточить основное внимание на программах социальных улучшений». Следовательно, необходима большая гибкость, отказ от жестких позиций, особенно в отношении Китая. «Мы должны понять, что не все аспекты расширения китайского влияния угрожают нам». Вновь в осторожной форме автор предлагал следовать по-

¹⁶ D. Ross. Op. cit., pp. 313, 251, 379, 432, 352, 397, 336, 32, 352, 24.

¹⁷ T. White. Op. cit., p. 152.

¹⁸ V. Lasky. Op. cit., p. 22.

литике «баланса сил»... «Я был связан, — признавался Р. Кеннеди, — со многими из ранних решений по поводу Вьетнама, которые помогли поставить нас на дорогу нынешней политики. Возможно, наши усилия были обречены с самого начала... В таком случае — а это весьма вероятно — я хочу понести свою долю ответственности перед историей и согражданами. Однако прошлые ошибки не оправдание для их повторения». Анализируя причины неудач США во Вьетнаме, Кеннеди настаивал, что американцы совершили капитальный промах, превратив политическую проблему в военную. К тому же никаких социальных реформ в Южном Вьетнаме не было проведено, поэтому его народ выступает против сайгонского режима. «Орудия и бомбы не могут наполнить пустых желудков, дать образование детям, построить жилища, исцелить больных», — заключал сенатор.

Война во Вьетнаме превратилась в американскую войну, основные потери и издержки несут США. Коррупцированные южновьетнамские власти не ведут ее должным образом, и с этим ничего не поделаешь. Где выход? Уход США из Вьетнама, по мнению Р. Кеннеди, «теперь совершенно невозможен» по многим причинам, хотя бы потому, что сайгонский режим в этом случае «не продержится и месяца». В то же время полной победы достичь нельзя, да она и не нужна в национальных интересах Соединенных Штатов. «Единственная дорога к миру — политический компромисс». Заканчивая книгу, автор напоминал: «Если Афины кажутся вам великими, сказал Перикл, учтите, что их слава была добыта выдающимися людьми, знавшими, в чем состоит их долг»¹⁹. Автор в своей книжке высказал не слишком много. Да большего, по его мнению, собственно, и не требовалось. Разве что еще раз подтвердить приверженность делу молодости и заявить о необходимости окончания войны во Вьетнаме... Что касается последовавшей избирательной кампании, то ведь основная забота — убедить проголосовать за себя.

И вот Роберт воззвал к молодежи, утверждая, что она должна сыграть решающую роль на выборах. А еще в чем? Вопрос оставался открытым. Иначе как объяснить поразительную тактику его предвыборных выступлений? Роберт выходил на трибуну и обращался к толпе:

- Будете голосовать за меня?
- Да! — кричат в толпе.
- Посоветуете вашим друзьям голосовать за меня?
- Да!
- Когда услышите что-нибудь плохое обо мне, будете опровергать?
- Да!
- Вы читали мою книгу?
- Да!
- Врете!

Со второй половины марта 1968 г. Р. Кеннеди погрузился в водоворот предварительных выборов, исход которых решался во многом на конвенте демократической партии. Шла кампания в стране, раздираемой политическими страстями. 4 апреля был убит Мартин Лютер Кинг. Р. Кеннеди оплачивает реактивный самолет, предназначенный для доставки тела борца за права негров из Мемфиса в Атланту. Безутешный сенатор в трауре появляется на похоронах. Впечатляющие поступки, трогательно-волнующее зрелище.

И надо же было объявиться тут с очередной статьей неугомонному Д. Нирсону. Он раскопал, что в 1963 г. министр юстиции Р. Кеннеди распорядился установить негласное наблюдение за Мартином Лютером Кингом, телефонные разговоры которого подслушивались. Р. Кеннеди не отрицал фактов, добытых Нирсоном, но всячески пытался ускользнуть от прямого ответа. Во время дебатов, передававшихся по телевидению, сенатор Ю. Маккарти попросил рассказать, как обстояло дело. Роберт объяснил, что, будучи генеральным прокурором, он отдавал распоряжения об установлении наблюдения в случаях, когда речь шла о «национальной безопасности». И добавил, что закон запрещает ему детально обсуждать это дело.

¹⁹ R. Kennedy. To Seek a Newer World. N. Y. 1968, pp. 76, 144—145, 160, 102, 167, 186, 168, 229, 232—233.

Накал кампании нарастал, в обиход входили все более и более резкие эпитеты. Хиппи, собравшиеся в Сан-Франциско, квалифицировали Р. Кеннеди «фашистской свиньей». Доброжелатели говорили ему о необходимости охраны. Он отвечал: «Реально невозможно защитить кандидата во время избирательной кампании. Приходится отдаваться на милость толпы и полагаться на свое счастье». Он отклонил предложение прикомандировать к нему полицейскую охрану, а личным телохранителям приказал не носить оружия. Обычные обвинения во время всех вылазок семьи Кеннеди на политическом поприще: они «скупают» выборы. Мать дает ответ за Роберта. Роза Кеннеди с обескураживающей откровенностью оповещает народ: «Это наши деньги, и мы тратим их, как хотим. Все это часть бизнеса проведения кампаний. Если у вас есть деньги, вы тратите их и побеждаете. И чем больше вы можете позволить себе, тем больше вы тратите. Рокфеллеры похожи на нас. Наши семьи имеют много денег для кампаний. Это не регулируется. Поэтому в таких тратах нет ничего неэтичного». Уже 25 марта 1968 г. «Washington Post and Times Herald» отметила: «Сотрудники (Р. Кеннеди. — Н. Я.) объезжают страну, используя кредитные карточки Джозефа П. Кеннеди и различных семейных предприятий». Итак, не только наличные, но и кредит. Последствия не замедлили сказаться.

Кампания, начавшаяся довольно вяло, быстро изменила ход: триумф за триумфом. Обнаруживается явный перевес Р. Кеннеди над соперниками — вице-президентом Г. Хэмфри и сенатором Ю. Маккарти. Сенатор просто объяснял свои преимущества. «Другие кандидаты, — говорил он, например, фермерам, — явятся сюда и расскажут вам, как много они сделают для фермеров. Но я уже сейчас делаю для фермеров больше, чем любой из них. Если не верите, обследуйте мой стол за обедом или завтраком в любой день недели. Мы потребляем больше молока, больше хлеба и больше яиц (тем самым способствуя сбыту продуктов сельского хозяйства), чем семья любого другого кандидата. Вызываю двух других кандидатов-демократов попытаться сравняться со мной ко дню предварительных выборов!»

Кеннеди старается убедить, что он большой друг маленького человека. В негритянском гетто в Вашингтоне его приветствуют словами «наш голубоглазый духовный брат». В Колумбусе, штат Огайо, обезумевшие обожатели вытаскивают Роберта из машины. Его силой пришлось вырвать из рук дружественной толпы, без запонок, в порванной рубашке. В Уоттсе, месте недавних кровавых расовых столкновений, его встречает плакат «Дорогу президенту США!». Р. Кеннеди торжественно возвещает: «Я единственный кандидат, против которого ополчились крупный капитал и крупный труд (руководство профсоюзов — Н. Я.)». «Видите, на какие жертвы я пошел, чтобы стать президентом? — кричит он в микрофоны, показывая на лоб. — Я срезал чуб!» Радость встреч... Они, разумеется, не готовились. Разве что в Сан-Франциско, штат Калифорния, засекли: работники Кеннеди, приехавшие раньше кандидата, предлагали по 25 долларов за штуку «самодельного» приветственного плаката.

Кеннеди побеждает в штатах Индиана, Небраска, Южная Дакота, в округе Колумбия. Он проповедует смелость и реализм. Единственное поражение — в штате Орегон. Причина, по словам помощника Кеннеди, такова: в этом зажиточном штате с белым населением «мы перепугали их». В начале июня Р. Кеннеди выступает в крупнейшем штате — Калифорнии. Он собирает здесь 46 проц. голосов, 42 проц. отданы за Ю. Маккарти. Победа в Калифорнии почти наверняка делает его кандидатом в президенты от демократической партии. Проанализировав тактику незавершенной избирательной кампании Р. Кеннеди, Т. Уайт констатировал: «Коротко говоря, с точки зрения программы то, за что он выступал, немногим отличалось от программы Ричарда Никсона». Зато Уайт усматривает различие в поведении кандидатов: Р. Кеннеди представлялся «нарушителем спокойствия». Он обращался к тем, кому жилось плохо. «Когда он появлялся перед неграми, или мексиканцами, или индейцами, или любыми бедствующими группами, то не был холодным Бобби — нет, появлялся Избавитель на коне. Все существо его кричало: цель власти и правительства — позаботиться о них, и безразлично какая, политическая или физическая, опасность стоит на его пути»²⁰.

Вечером 5 июня 1968 г. Р. Кеннеди в отеле «Амбассадор» в Лос-Анджелесе принимал поздравления. Он не выглядел ни молодым, ни красивым: мешки под глазами,

²⁰ Т. White. Op. cit., pp. 172, 179, 174.

резкие морщины, седина. Роберт рассеянно пожимал руки, собирался с мыслями, готовясь к очередной пресс-конференции. Он знал, что предстоит новая встреча с Г. Хэмфри и новая борьба с ним. Теперь уже не за брата, а за себя. Другьям он только что сказал: «Я буду преследовать толстомясого Губерта Хэмфри по всей Америке. Я пойду за этим жирдяем во все избирательные округа. Где бы он ни объявился, я буду тут как тут». А поздравителям Роберт выразил ту же мысль в приличествующих случаю выражениях: «Надеюсь, что предварительные выборы в штате Калифорния можно считать оставшимися позади. Теперь откроется диалог, или дискуссия, между вице-президентом и мною относительно дальнейшего пути страны». «Вспынь им!» — дружно закричали почитатели.

Он устало улыбался: нужно еще и еще говорить, и все о том же и тут же, говорить журналистам, ожидавшим его в другом зале отеля. Толпа наводнила здание. Родилась мысль пойти через служебный ход, мимо кухни. Сразу после 12 часов ночи Р. Кеннеди в сопровождении жены, невооруженных телохранителей, друзей и журналистов вошел в мрачное помещение: комната, похожая на коридор; мокрый цементный пол; слева длинный оцинкованный прилавок, справа ряд холодильников. Кеннеди приостановился (ритуальное пожатие руки с мойщиком посуды). Он не успел отнять руку, как раздались выстрелы. Опершись локтем на прилавок, молодой человек в упор стрелял в Роберта. Расстояние было немногим больше метра. Роберт упал. На стрелявшего набросились, но никак не могли выхватить пистолет, а тот все нажимал курок. В густой толпе пули ранили еще пять человек. Наконец, восемь человек, навалившись на покушавшегося, буквально распяли его на прилавке, сломали ему указательный палец и выхватили оружие.

Задыхаясь под тяжестью державших его, парень завопил: «Почему я сделал это? Я объясню. Дайте мне сказать!» Никто не слушал его, толпа прибывала. С трудом удалось отгеснить их от покушавшегося. Кто-то воззвал к рассудку: «Нам не нужно другого Освальда». Вокруг распростертого на грязном полу сенатора, лежавшего на спине, тесно столпились друзья. Этель с трудом пробралась к мужу, наклонилась, что-то шептала. В ответ не раздавалось ни слова. В 12 час. 30 мин. истекавшего кровью сенатора увезли в госпиталь. Обнаружили, что он ранен двумя пулями. Одна прошла через мягкие ткани предплечья и застряла под кожей на шее, другая поразила его в голову за правым ухом. Сделали рентгеновские снимки и приступили к операции: трепанация черепа, тщетные попытки удалить мельчайшие осколки пули и костей, проникшие в мозг. Операция продолжалась 3 часа 40 минут.

В полиции допрашивали задержанного. Он невозмутимо ботал о пустяках, однако отказывался назвать себя и рассказать о случившемся в отеле «Амбассадор». Проверили отпечатки пальцев, но задержанный не значился в картотеке. При обыске у него было изъято 400 с небольшим долларов, ключ от машины, вырезка из газеты — статья Д. Лоуренса «Кеннеди выступает за Израиль». В 7 час. 30 мин., не допуская посторонних, арестованному предъявили обвинение в убийстве и отправили его в тюрьму, поместив в строжайше изолированную камеру. Для охраны выделили 100 человек. Двое тюремщиков неотлучно состояли при нем. Личность арестованного быстро установили по номеру пистолета: Сол Сирхан, 24-летний подданный Иордании, с 1956 г. с четырьмя братьями, сестрой и матерью проживавший в Лос-Анджелесе. Органы юстиции воздержались от официальных комментариев: сначала нужно провести расследование²¹. Министр юстиции 6 июня ограничился заявлением: «Нет никаких данных о наличии заговора; все свидетельствует о том, что это акт одиночки»²². Что до полиции, то она начисто сняла с себя ответственность за случившуюся трагедию, доведя до сведения прессы: «Нас не было на месте не потому, что мы не были нужны. Сенатор Кеннеди неоднократно заявлял нам, что не желает видеть поблизости от себя полицейских».

Роберт Кеннеди прожил весь день 6 июня, но с каждым часом его состояние ухудшалось. Через 25 часов после покушения он умер, не приходя в сознание. Тело сенатора самолетом доставили в Нью-Йорк, там отслужили мессу, затем погрузили в траурный поезд, перевезли труп в Вашингтон и вечером 8 июня похоронили на Ар-

²¹ «Time», June 14, 1968, p. 14.

²² «The New York Times», 6.VI.1968.

лингтонском кладбище, поблизости от могилы Джона Кеннеди. Политическая карьера Роберта Кеннеди оборвалась. Он так и не успел произнести любимые им слова Эсхила: «Ктога поднимешься на высоту, станет легко».

Новая трагедия стояла в центре внимания американской печати. На обложке популярнейшего журнала «Life» виднелся снимок — умирающий Р. Кеннеди; на последней странице, на фоне стакана с бурой жидкостью, поместилась реклама: «Жить лучше с кока-колой. Всегда бодрит. Вкус никогда не надоест. Пейте кока-колу!». Статья о смерти Р. Кеннеди была озаглавлена так: «Семья Кеннеди — принцы, которых уничтожают боги». Другая статья, в которой описана его смерть, заканчивалась разговором двух американцев: «Почему убили Роберта Кеннеди?» «Они стреляют по звездам!» «Да, той ночью действительно упала звезда»²³, — меланхолически заключил журнал.

Скорбь по поводу смерти Р. Кеннеди частично вытеснили затем новые заботы. Эдвард Кеннеди перевесил картину «Эсминец «Джозеф Патрик Кеннеди-мл.» из кабинета погибшего брата в свой кабинет в Капитолии. Этель была занята воспитанием детей, на руках большое хозяйство. Нужно закончить расплату с долгами за избирательную кампанию Роберта в 1968 году. К весне 1969 г. из долга в 3,5 млн. долларов погашено 2 млн. долларов, включая счет в 85 тыс. долларов из отеля «Амбассадор». Уже начала комплектоваться библиотека книг о Р. Кеннеди. Симпатизировавшие ему открывали в нем все новые и новые привлекательные черты. Редактор «Harper's Magazine» Д. Халберштам в книге «Незаконченная Одиссея Роберта Кеннеди» обнаружил, что он был, в сущности, Гамлетом, терзаемым страстями, по большей части добрыми. Журналист Д. Уитковер установил у Р. Кеннеди сходство с героями древнегреческих трагедий. Другой журналист, Д. Ньюфильд, идет дальше. Он проследживает эволюцию героя от сторонника маккартизма к защитнику обездоленных²⁴.

Т. Соренсен на правах старого друга и соратника счел возможным публично сравнить двух братьев Кеннеди между собой. В конце 1969 г. Соренсен выпустил книгу «Наследие Кеннеди», в сущности, квазифилософский трактат о Джоне и Роберте. Он безмерно пропагандировал деятельность покойных и их идеи. Но если о президенте автору писать было легко, ибо 1 000 дней правления дали массу материалов, то с Р. Кеннеди ему пришлось труднее. Соренсен приоб к мистике, прося поверить ему на слово. «Потеря Роберта Кеннеди тем более огорчительна, — утверждал он, — что мы потеряли больше, чем простую копию Джона Кеннеди. Мы потеряли уникального человека с собственными идеями и идеалами и большим будущим потенциалом». Соренсен постоянно повторял: Роберт Кеннеди изменялся «в последние годы жизни, чего не замечали посторонние, чувство сострадания в нем и либерализм возрастали». В конечном счете он «потерял индейские резервации, лагеря сезонников, хижины арендаторов в дельте Миссисипи, куда никогда не заглядывал Джон»²⁵.

Напротив, В. Ласки, относящийся к семье Кеннеди, мягко говоря, прохладно, посвятил жизненному пути Роберта большую книгу и уже во вступительной статье собрал массу нежных отзывов о покойном. Он напомнил, что певец песен протеста, трубадур «новых левых» Фил Оке так отозвался о Роберте: «Бобби напоминает мне хорошего гангстера». Тем либералам, кто посмертно видит в Роберте единомышленника, Ласки припомнил отзыв сенатора о них. Увидев, что в кампании 1968 г. либералы голпами сбегаются под его знамя, Роберт прокомментировал: «Отвратительные бороды»; «Нужны, как здоровый гвоздь ниже спины»²⁶. Конечно, сказано было тогда не для их ушей...

6. «Крестный путь» окружного прокурора

В ноябре 1966 г. окружной прокурор Нью-Орлеана Джим Гаррисон внезапно перестал быть доступным для посетителей. Он исчез. Как потом выяснилось, Гаррисон приступил к собственному расследованию убийства президента Дж. Кеннеди, истра-

²³ «Life», June 23, 1968, pp. 33, 22.

²⁴ D. Halberstam. The Unfinished Odyssey of Robert Kennedy. N. Y. 1969; Y. Witcover. 85 Days — the Last Campaign of Robert Kennedy. N. Y. 1969; J. Newfield. Op. cit.

²⁵ T. Sorensen. The Kennedy Legacy. N. Y. 1969, pp. 257, 264, 261.

²⁶ V. Lasky. Op. cit., pp. 12—13.

тив за три месяца 8 тыс. долларов. 18 февраля 1967 г. заточение прокурора пришло к концу. Он созвал пресс-конференцию. Заявление его произвело сенсацию: «Мы расследуем роль города Нью-Орлеана в убийстве президента Кеннеди и добились успехов, я думаю, значительных успехов». Помедлив и переждав волнение журналистов, он добавил: «И еще: будут аресты». В тот же день 49-летний Д. Ферри, в прошлом летчик, сообщил прессе, что Гаррисон «притягивает» его к делу об убийстве президента. 22 февраля Ферри был найден мертвым у себя на квартире. Официальное заключение — самоубийство. Гаррисон комментировал: «Мы решили арестовать его в начале следующей недели. Очевидно, мы ждали слишком долго».

Новая смерть в связи с делом Дж. Кеннеди взбудоражила общественное мнение. Действительно, ряд лиц, которые могли бы быть свидетелями, скончались частично насильственной, частично «естественной» смертью. К лету 1969 г., по подсчетам парижского еженедельника «L'Express», их число превысило 30 человек²⁷. Гаррисон охотно объяснил, что побудило его заняться расследованием: Освальд незадолго до убийства президента полгода прожил в Нью-Орлеане, где встречался с рядом лиц, включая Ферри. По поручению комиссии Уоррена они были допрошены прокуратурой Нью-Орлеана и отпущены восвояси. ФБР также дало заключение о полной их непричастности к трагедии в Далласе. Повторное расследование, проведенное Гаррисоном, позволило ему заключить, что они являлись соучастниками убийства президента. А 1 марта 1967 г. Гаррисон арестовал нью-орлеанского бизнесмена Клей Шоу. Арест носил символический характер. Шоу вызвали в прокуратуру, объявили о том, что он арестован, сняли отпечатки пальцев, надели наручники, в таком виде его сфотографировали корреспонденты, а вечером того же дня, отобрав подписку о невыезде, выпустили под залог в 10 тыс. долларов. Окружная прокуратура передала прессе заявление: «Шоу арестован и будет обвинен в участии в заговоре с целью убийства президента Кеннеди»²⁸. Шоу, разумеется, полностью отрицал предъявленное ему обвинение.

2 марта Гаррисон заявил, что Клей Шоу — в действительности «Бертранд». Открытие окружного прокурора крайне заинтересовало печать: работник прокуратуры Нью-Орлеана Д. Эндрюс в свое время показал, что «Бертранд» был приятелем Освальда. Следов «Бертранда» комиссия Уоррена не обнаружила. 14 марта Шоу предстал на распорядительном заседании суда. Трое судей должны были решить, есть ли достаточные доказательства для предания его суду. 60-летний Шоу выслушал показания 25-летнего приятеля Ферри, страхового агента П. Россо, который сообщил, что в сентябре 1963 г. он присутствовал на квартире Ферри. Хозяин квартиры сговаривался с Освальдом и «Бертрандом» убить президента Кеннеди. Пройдя курс гипнотического внушения и подвергнувшись выкрикиваниям «сыворотки правды», Россо опознал в Шоу «Бертранда». Другой свидетель, В. Банди, известный наркоман, показал, что собственными глазами видел, как летом 1963 г. Шоу передал Освальду большую сумму денег. После четырехдневного слушания дела суд 17 марта постановил, что имеются основания для предания суду К. Шоу по обвинению в заговоре с целью убийства президента. 22 марта жюри присяжных заседателей подтвердило выводы суда. Гаррисон одержал победу: впервые расследованием убийства Дж. Кеннеди занялась прокуратура. М. Лейн, прослышав о волнующих событиях, поспешил в Нью-Орлеан. Он подружился с Гаррисоном и стал оказывать ему посильную помощь. Пятьдесят богатых предпринимателей Нью-Орлеана во главе с нефтяным магнатом Д. Раультом образовали комитет «Истина», взявшийся финансировать расходы по расследованию, назначенному окружным прокурором²⁹. Инвестиции судили неслыханную политическую прибыль — изобличить низких убийц! — а также рост личной популярности, что бизнесменам не менее важно.

О Гаррисоне заговорила Америка. Опрос общественного мнения, проведенный в мае 1967 г., показал: 66 проц. американцев верят, что существовал заговор с целью убийства президента, а «основной фактор, способствовавший появлению этих сом-

²⁷ «Литературная газета», 17.VI.1968.

²⁸ J. Kirkwood. So Here You Are, Cley Show. «Esquire», December, 1968, p. 221

²⁹ P. Flammond. The Kennedy Conspiracy. An Uncommissioned Report on the Jim Garrison Investigation. N. Y. 1969, pp. 5—7.

нений, — расследование убийства окружным прокурором Джимом Гаррисоном в Нью-Орлеане». Попутно средства массовой информации подробно осветили жизненный путь Гаррисона. Во вторую мировую войну он был пилотом самолета-корректировщика, принимал участие в боевых действиях, в 1950 г. служил в ФБР, затем воевал в Корее, после увольнения из армии работал в прокуратуре Нью-Орлеана, в начале 60-х годов добился избрания на пост окружного прокурора. В ходе политической борьбы в штате противники Гаррисона еще в 1964 г. огласили заключение врачей-психиатров от 1951 г., на основании которого он был уволен: «психоневроз», выразившийся в так называемом «комплексе Наполеона». Гаррисон тогда публично заявил, что в 1951 г. он просто устал от военной обстановки, а оглашение медицинского заключения противниками должно быть квалифицировано как федеральное преступление — раскрытие содержания военного документа, что карается тюремным заключением и штрафом в 10 тыс. долларов.

Нью-орлеанские журналисты писали: «С того дня как Гаррисон стал окружным прокурором, он никогда не скрывал своих честолюбивых политических планов. Он много раз говорил, что жаждет стать сенатором»³⁰. Печать сообщила, что Гаррисон прицелился на пост выше: статья в случае успеха расследования вице-президентом США. Окружной прокурор гневно опроверг инсинуации, указав, что ищет только истины, и ее одной. Когда известия о расследовании в Нью-Орлеане достигли Вашингтона, министр юстиции Р. Кларк, преемник Р. Кеннеди, покритиковал окружного прокурора за то, что тот не сотрудничает с министерством. Из Нью-Орлеана Гаррисон ответил: «Веду расследование я, а не президент и не министр юстиции. Мы расследуем заговор, очевидно, имевший место в Нью-Орлеане, и их это совершенно не касается. Если они хотят помочь мне, я буду приветствовать эту помощь. Но я не подотчетен никому». Серьезное заявление, свидетельствовавшее о серьезных намерениях. Интерес к Гаррисону все возрастал. Журнал «Playboy» в октябре 1967 г. поместил пространное интервью с ним.

Окружной прокурор оказался весьма разговорчивым человеком. Он дал свою оценку основных тенденций развития Соединенных Штатов. По словам Гаррисона, они стоят «перед громадной опасностью превращения в государство типа фашистского. Это государство будет отличным от Германии; там фашизм вырос из депрессии, обещая хлеб и работу, а наш фашизм, как ни парадоксально, вырастает из процветания. Однако в конечном счете он основывается на силе... Пробный камень для проверки — что случается у нас с несогласным. В нацистской Германии он подлежал физическому уничтожению. У нас процесс более тонкий, но результаты аналогичны... Основываясь на моем собственном опыте, я опасаясь, что фашизм придет в Америку во имя национальной безопасности». Любопытные люди из редакции «Playboy» постарались выяснить у Гаррисона все относительно загадочного убийства президента Кеннеди и последующего расследования. Гаррисон открыл им, что Дж. Руби знал Освальда, К. Шоу, Д. Ферри, дружил с генералом Э. Уокером (по словам Гаррисона, тот «по уши» увяз в заговоре с целью убийства президента), был знаком с полицейским Типпитом и сотрудничал с ЦРУ. Что касается возможности насильственной смерти Руби, то мнение окружного прокурора сводилось к следующему: «Я не могу ни подтвердить, ни отрицать ее, ибо у меня нет данных в подтверждение первого или второго. Но мы установили довольно странное хобби Дэфида Ферри: не считая увлечения баллистикой, он занимался исследованиями рака... На мой взгляд, примечательно, что Джек Руби умер от рака спустя несколько недель после того, как апелляционный суд отменил приговор по его делу и ему предстояло предстать перед судом вне Далласа. Таким образом, если бы он захотел, он мог бы свободно высказаться. Добавлю, что Ли Освальд без колебаний был убит, чтобы он не заговорил. Поэтому нет никаких оснований сомневаться, что руководители заговора имели больше причин шадить Руби в случае, если бы он представил опасность для них».

Каковы же мотивы убийства Дж. Кеннеди? Гаррисон ответил: «Президент Кеннеди был убит по одной причине — он стремился к примирению с СССР и Кубой

³⁰ R. James, J. Wardlaw. Plot or Politics? New Orleans. 1967, p. 30.

Гастро». Гаррисон реконструировал картину жуткого преступления. Президента убивали семь человек, при этом четверо стреляли, а трое подхватывали гильзы. Разумеется, «один человек стрелял из здания книжного склада, но то был не Освальд». Стреляли и спереди и сзади, но фатальный выстрел, снесший часть черепа президента, раздался из канализационного люка, находившегося спереди и справа по движению машины президента. «Это была точная операция, выполненная хладнокровно и отлично скоординированная. Убийцы даже поддерживали контакт друг с другом по радио»³¹. В другом интервью, данном по телевидению Далласа 9 декабря 1967 г., окружной прокурор объяснил, что он со своими людьми облезил канализационную систему под площадью, на которой был убит Кеннеди, и нашел, что стрелять из канализационного люка «куда как удобно». Комиссия Уоррена, заявил он, «знала, что пули поразили президента спереди, по крайней мере дважды... Комиссия обманула американский народ умышленно и сознательно...»³².

Новый, 1968 год открылся громадной статьей в журнале «Ramparts»: «Комиссия Гаррисона по расследованию убийства президента Кеннеди». На обложке — портрет прокурора, под портретом — слова Гаррисона: «Кто назначил Рамзея Кларка и сделал все, чтобы сорвать расследование? Кто контролирует ЦРУ? Кто контролирует ФБР? Кто контролирует архивы и держит их так под замком, что, когда материалы увидят свет, никого из сидящих в этом зале не будет в живых? А они ваша собственность и собственность народа нашей страны. Кто настолько высокомерен и нагд, что не дает возможности познакомиться с материалами? Кто он? От убийства больше всех выиграл ваш дорогой президент Линдон Джонсон»³³ (забегая вперед, отметим, что примерно через год «Ramparts» прекратил свое существование из-за финансовых затруднений. Выпуск журнала, правда, вскоре возобновился, но это была лишь тень прежнего «Ramparts»). Судя по многочисленным интервью и статьям Гаррисона, расследование вступило в решающую фазу. В конце 1967 г. М. Лейн поселился в Нью-Орлеане, чтобы быть под рукой и помочь распутать заговор, сотканный темными силами. Весной 1968 г. М. Лейн утверждал: «В последние несколько недель в Нью-Орлеане появились два эмиссара. Оба разыскали Джима Гаррисона; оба указали, что привезли послание от Роберта Кеннеди. Гаррисон знает, что оба связаны с Робертом Кеннеди. Оба указали: Роберт Кеннеди не верит выводам комиссии Уоррена и согласен с Гаррисоном, что президент Кеннеди пал жертвой заговора». Эмиссары заверили Гаррисона, что в случае избрания на пост президента Р. Кеннеди начнет новое расследование, найдет и покарает виновных. На вопрос Гаррисона, почему Р. Кеннеди открыто не выскажется против доклада комиссии Уоррена, таинственные эмиссары заявили: «Он знает, что между ним и Белым домом стоят пистолеты»³⁴.

Вскоре после убийства Р. Кеннеди, 12 июля 1968 г., Гаррисон объявил, что от разведывательной службы одного иностранного государства, «проникшей в тайну убийства», он получил новые материалы. Упомянутая служба даже «опросила одного из убийц»³⁵. Смерть Р. Кеннеди вслед за убийством М. Кинга удвоила интерес к окружному прокурору. По его словам, он держал ключи к мрачному заговору. Публицист П. Фламмонд засел писать книгу о Гаррисоне, увидевшую свет в начале 1969 г., и при подготовке обширного исследования неоднократно встречался с Гаррисоном. После гибели Р. Кеннеди П. Фламмонд провел очередное интервью: «Джим, прокомментируйте убийство Роберта Кеннеди». «По очередности убийства происходили так: Джона Кеннеди, доктора Мартина Лютера Кинга и сенатора Кеннеди... Имеющихся данных во всех трех случаях достаточно, чтобы указать, что, по всей вероятности, все они были совершены одной и той же силой и все они... явились результатом усилившей разведки». «Американской разведки?» «Да». «У вас нет никаких сомнений, что Р. Кеннеди назначил бы новое расследование, если бы попал в Белый дом?» «Думаю, что в этом можно не сомневаться. Самый факт, что он был столь поспешно убит, указывает, что и в ЦРУ не питали никаких сомнений на счет этого. Я думаю, что в

³¹ «Playboy», October, 1967, pp. 56, 58, 73, 75.

³² P. Flammond. Op. cit., p. 269.

³³ «Ramparts», January, 1968.

³⁴ P. Flammond. Op. cit., p. 277.

³⁵ «The New York Times», 12.VII.1968.

этом случае у них не было другого выхода. Я убежден, что они не хотели идти на новое убийство, но они не могли рисковать, если бы он стал президентом»³⁶.

Гаррисон сосредоточил усилия на подтверждении своей версии фактами. Это оказалось сложным делом. 16 апреля 1967 г. бывший работник нью-орлеанской прокуратуры Д. Эндрюс был осужден на полтора года тюремного заключения. Сколько ни бился Гаррисон, он не смог получить от него новых сведений о пребывании Освальда в Нью-Орлеане. Зато добыл достаточно доказательств о наличии лжесвидетельств, которые и легли в основу обвинительного приговора. Затем он попытался, чтобы ему выдали замешанных, по его мнению, в заговоре лиц — Г. Новела, С. Смита и С. Мофетта (соответственно из штатов Огайо, Техаса и Небраска), но потерпел неудачу.

7. Процессы, процессы...

Весной 1969 г. Гаррисон закончил свое «расследование с препятствиями». Он много поработал и получал помощь от самых различных людей. Среди тех, кто пришел на подмогу окружному прокурору, был известный эстрадный комик Морр Сал. В свое время за шутки в адрес администрации Кеннеди он попал в «черный список» и фактически лишился заработка. Тем не менее Сал не помнил обиды. Когда Гаррисон вышел на поиск убийц президента, сатирик приехал в Нью-Орлеан и помогал чем мог. На пресс-конференции Сал объявил: «Я знаю, кто убил Кеннеди. Но могу сказать вам только, что здесь замешаны некие влиятельные внутренние силы, и когда Гаррисон сообщит то, что ему известно, это потрясет страну до основания. Америке придется заняться уборкой своего дома». Сатирик профессионально разбудил любопытство и с эстрады подлил масла в огонь, начал высмеивать доклад комиссии Уоррена. Предстоящему в Нью-Орлеане процессу было обеспечено великоденнейшее «паблисити».

На рубеже 1968—1969 гг. в США произошли изменения. Демократы потерпели поражение на президентских выборах. Правительство приобретало иную политическую окраску. Л. Джонсон, мишень № 1 комика и прокурора, превратился в частное лицо. 20 января 1969 г. в Вашингтоне приняла власть республиканская администрация. Те, кто был, если верить Гаррисону, непосредственно заинтересован в сокрытии истины в деле убийства президента, больше не держали рычагов правления. Страна с напряженным вниманием ожидала, как окружной прокурор приоткроет завесу над тайной, а правосудие воздаст долг по заслугам душегубам, затаившимся под мантией администрации, отвергнутой избирателями. И вот в начале февраля 1969 г. состоялся суд в Нью-Орлеане. Прокуратура сначала вывела перед присяжными заседателями П. Россо. Он произвел странное впечатление сбивчивыми показаниями. Между тем на предварительном следствии Россо охотно говорил, но под гипнозом и получив изрядную дозу «сыворотки правды». Затем объявили, что прокуратура вводит в действие «тайнственного свидетеля». В зале появился сборщик налогов из штата Нью-Йорк Г. Спизел. Он рассказал, что в июне 1963 г. во французском квартале Нью-Орлеана слышал, как Ферри и Шоу говорили об убийстве Кеннеди. Сенсационное заявление! Защита поинтересовалась, не может ли свидетель указать, где тот зловавший дом, под крышей которого велись преступные разговоры?

Спизел согласился. Из здания суда валом повалил народ. Свидетель повел за собой присяжных, судью, адвокатов, подсудимого, журналистов и зевак — более 350 человек. Под водительством Спизела они обследовали два дома. Свидетель сообщил, что один из домов «похож, если даже не тот именно». Защита выяснила личность свидетеля. Он предстал великим склочником, а во время двухчасового перекрестного допроса охотно рассказал, как его притесняют: он судился с городскими властями Нью-Йорка, психиатрами, частным сыскным агентством и несколькими полицейскими за то, что они подвергали его гипнотическим «чарам». В результате Спизел потерпел существенный материальный и иной урон: злодей вынудили его «продать дело»³⁷. Перед судом прошли свидетели защиты, прозвучали доводы обвинения... Утверждение Гаррисона не подреплялось фактами. Подсудимый категорически отрицал об-

³⁶ P. Flammonde. Op. cit., pp. 277—281.

³⁷ «Time», February 14, 1969, p. 31.

винения. В заключительном слове Гаррисон настаивал, что для сокрытия правды мобилизован весь аппарат федерального правительства. На это защита возразила: единственная цель пребывания Шоу на скамье подсудимых — «создать форум для нападок на комиссию Уоррена». Адвокаты были очень красноречивы и деятельны. Их пыл подогревался сознанием правоты подзащитного, уплатившего за ведение дела около 100 тыс. долларов³⁸.

После 6-недельного судебного разбирательства присяжные менее чем за час единогласно оправдали Шоу по обвинению в участии в заговоре с целью убийства президента. Гаррисон растолковал: «Вердикт присяжных просто указывает, что американский народ не желает выслушать правду». Итак, Гаррисон провалился. Журнал «The Nation» подвел итог: «Единственная загадка по поводу вердикта «невиновен» в процессе Клея Шоу: почему присяжным потребовалось для вынесения его 50 минут? В суде не было представлено доказательств, а наличные доказательства исходили от сборища нелепых свидетелей, большинство из которых явно нуждаются в психиатрическом лечении... Однако было бы серьезной ошибкой заключить, как это сделали многие, что вердикт подтверждает выводы комиссии Уоррена. Во-первых, эти выводы не священны. Могут быть раскопаны новые факты, которые подорвут их. Но, к сожалению, «факты» не нужны, чтобы жило широкое желание верить, которое и создало выгодный рынок для различных теорий «заговора». Что касается самого убийства, то достаточно слухов, выдумок, совпадений и предположений для запуска новых поразительных теорий. В сущности, количество теорий ограничивается только воображением их творцов». Журнал сурово интересовался: «Влиятельный вопрос: останется ли Гаррисон безнаказанным?» — а также сообщил, что Американская ассоциация юристов обратилась с просьбой к Ассоциации юристов Луизианы расследовать мотивы действий Гаррисона³⁹. Такой поворот дела раскутал множество других «расследователей», толпившихся около Гаррисона и сочинявших бесконечные статьи со ссылками на «секретные сведения», которые окружной прокурор собрал для суда. Стремительно распространился слух: Гаррисон не больше и не меньше, как провокатор от ЦРУ!

20 апреля 1969 г. в сверхреспектабельном «New York Times Magazine» появилась статья под хлестким заголовком «Последняя глава в споре по поводу убийства». Автор с очевидным удовлетворением констатировал: «Публицисты Гаррисона, которые до суда так много говорили о «секретных доказательствах», исчезли из виду. После лопнувшего дела Гаррисона печать по понятным причинам постаралась поскорее забыть обо всем этом». Написал статью тот самый Э. Эпштейн, который успел после книги «Расследование» сочинить еще одну — «Антизаговор», направленную против Гаррисона. Он, несомненно, чувствовал великое облегчение: конкуренты, в первую очередь М. Лейн, пусть на время, но оставили поле битвы. Эпштейн авторитетно разъяснил, что все противники доклада Уоррена — сочинители, почти все они скверные люди, а некоторые просто бездельники и вралы. Он клеймил Гаррисона и К⁰. «Ввиду позора, который Гаррисон навлек на всех них, нет ничего удивительного, что некоторые недовольные ныне критики (доклада Уоррена. — Н. Я.) выдвинули даже теорию, что Гаррисон — провокатор ЦРУ. Конечно, многие из критиков были повинны по меньшей мере в легковерии, а по большому счету в сознательной лжи». Бойкий ученый, переживший фронт, закончил свою статью такими словами: «Урок, преподанный нам Гаррисоном, совершенно ясен: нельзя отделить добросовестность доказательств от добросовестности лица, представляющего их. Поскольку в ближайшем будущем едва ли состоится новое расследование и поскольку многие критики были дискредитированы в роли расследователей в нью-орлеанском эпизоде, представляется вероятным, что дело Гаррисона может оказаться последней главой в споре об убийстве»⁴⁰.

В ноябре 1969 г. население Нью-Орлеана определило свое отношение к Дж. Гаррисону, а следовательно, и его расследованию. Он был переизбран прокурором на третий 4-летний срок. Один из его соперников на выборах, Г. Говник, в про-

³⁸ «Time», March 14, 1969, p. 27.

³⁹ «Nation», March 17, 1969, p. 324.

⁴⁰ «The New York Times Magazine», April 20, 1969, pp. 30, 117, 120.

шлом работник федеральной прокуратуры, объяснил итоги так: «Избиратели, вероятно, полагают, что его следует переизбрать, ибо он бросил вызов федеральному правительству»⁴¹. А 1 марта 1970 г. К. Шоу предъявил иск на сумму в 5 млн. долларов против Гаррисона и связанных с ним лиц. В иске Шоу сказано, что прокурор затеял процесс против него, чтобы «провести противозаконное, бесполезное и клеветническое расследование убийства президента Кеннеди... и собрать материалы для нападок на комиссию Уоррена». Наконец, в 20-х числах апреля 1969 г. в Лос-Анджелесе закончился процесс над убийцей Р. Кеннеди Сирханом. Суд на Тихоокеанском побережье, продолжавшийся более трех месяцев, начался раньше, чем слушание дела в Нью-Орлеане, а закончился позднее. Хотя исход в них был противоположным, доказательства, принятые присяжными на юге и западе страны, сводились к одному: никогда не существовало заговоров против государственных деятелей, погибших от пуль убийц.

Сирхан предстал перед судом 7 января. Трое адвокатов, защищавшие его, предложили суду сделку: Сирхан признает себя виновным в обмен на сохранение жизни. В штате Теннесси именно таким путем получил ранее 99 лет тюремного заключения убийца Мартина Лютера Кинга. Судья Т. Уокер отверг просьбу защиты, а подсудимый заявил, что невиновен в умышленном убийстве. Прокуратура же настаивала на том, что именно Сирхан сознательно убил Роберта Кеннеди: 2 июня 1968 г. его видели на собрании, где был сенатор, а 4 июня он тренировался в тире. Защита была построена на попытках доказательства, что Сирхан был невменяем в момент совершения преступления. Обвинение высмеяло утверждения защиты, представив суду свидетелей, которые говорили о хладнокровном поведении преступника во время покушения.

Затем суду была предъявлена записная книжка Сирхана, пестревшая такими записями: «Я стою за низвержение нынешнего президента США... Так называемый президент США в конце концов будет повергнут пулей убийцы». Бесконечные угрозы в адрес Роберта Кеннеди: «РФК должен умереть, с ним нужно покончить. Роберт Кеннеди должен умереть, умереть, умереть...» (и так много раз). Под датой 18 мая 1968 г. стоит запись: «Моя решимость покончить с РФК становится непоколебимой».

Чтение записей в суде, а также показания инспектора школ о том, что Сирхан был неспособным учеником, вывели его из себя. Он начал буйствовать на скамье подсудимых, требуя рассчитать адвокатов. Сирхан обратился к Уокеру: «Сейчас, сэр, я хочу откатиться от моего первоначального заявления, что я невиновен». «Следует ли мне понимать, что вы хотите признать себя виновным по всем пунктам обвинения?». «Да, сэр». «Какое наказание вы хотите понести?» «Прошу казнить меня. Я убил Роберта Кеннеди умышленно, думал об этом 20 лет». Судья улыбнулся: «Ну, это нужно еще доказать здесь, в суде»⁴². Правда, прокуратура не собиралась подкреплять доказательствами столь далеко идущие претензии, но зато проявила необычайное рвение в другом: делалась все, чтобы не оставить и тени сомнения в том, что Сирхан действовал один. Это потребовало определенных усилий. Через несколько минут после убийства Р. Кеннеди свидетели видели и слышали, как молодая женщина, одетая в пестрое платье, выскочила из отеля «Амбассадор», восклицая: «Мы застрелили его! Мы застрелили его!» 7 июня 1968 г. танцовщица из ночного клуба Кэти Фулмер явилась в полицию, заявив, что это была она. Полиция, допросив танцовщицу, отпустила ее, презрительно прокомментировав: она просто домогалась известности. А 10 апреля 1969 г. Кэти покончила с собой.

Прокуратура нашла и вызвала ту женщину, что была в пестром платье. В суде она показала, что работала для Р. Кеннеди в избирательной кампании и, конечно, была потрясена убийством. Заместитель окружного прокурора Л. Комптон заявил прессе: «ФБР и полицейское управление Лос-Анджелеса опросили буквально тысячи людей, проследив все предположения и возможности. Не обнаружено никаких связей Сирхана еще с кем-нибудь». Наконец, показания Сирхана. Он объяснил: «Я устал быть иностранцем и одиноким». Сирхан рассказал, что увлекся оккультными науками: долгими часами он гипнотизировал себя, глядя в зеркало между двумя горящими свечами. Сирхан попытался заняться телекинезом (передвигать предметы внушением), но бросил, ибо побоялся сойти с ума. Подсудимый рассказал, что сначала любил Ро-

⁴¹ «International Herald Tribune», 10.X.1969.

⁴² «Time», March 17, 1969, p. 17.

берта Кеннеди, однако затем изменил отношение к нему. В мае он предавался обычному занятию: тарашил глаза перед зеркалом. Тут он услышал, как по радио сообщали, что Кеннеди стоит за передачу Израилю 50 самолетов «фантом». «Я понял, — объяснил подсудимый, — Кеннеди не такой хороший парень, как о нем говорят. Я взглянул в зеркало и увидел его, а не мое лицо».

В день убийства Сирхан напился и захотел отправиться домой. Он сел в свою машину, но побоялся ехать нетрезвым. Тогда Сирхан, взяв в машине пистолет, пошел в отель, выпил там кофе, а затем обнаружил, что его душат полицейские после убийства Роберта Кеннеди. Так выглядели события в изложении Сирхана. Шесть психиатров, приглашенных защитой, выяснили, что все это закономерно. Сирхан — шизофреник, страдает от навязчивых идей. Кроме того, он загипнотизировал себя, действовал в трансе. На присяжных научные разъяснения не произвели впечатления. Они пропустили мимо ушей и странные рассказы психиатров о том, что в тюрьме им удалось загипнотизировать Сирхана и воспроизвести сцену покушения. Адвокат Парсонс избрал другой ход. Обращаясь к присяжным, он воскликнул: «Разве мы казним таких людей в Калифорнии? Что, мы пойдем за Гитлером, убивавшим убогих, сирот и больных?» Но в зале суда вспомнили, что Сирхан, еще будучи в школе, в 1962—1963 гг., подчеркивал в своих учебниках места, где говорилось о политически убийствах. На полях книги, повествующей об убийстве президента Маккинли в 1901 г., он приписал: «За ним последуют многие». Прокурор подытожил: все доказывает, что «это хладнокровное и рассчитанное решение лишить жизни Роберта Ф. Кеннеди было принято значительно раньше появления подсудимого в отеле «Амбасадор».

17 апреля, прозаседав почти 18 часов, присяжные вынесли вердикт: Сирхан виновен в убийстве первой степени. По закону штата Калифорния потребовалось еще решение присяжных для определения меры наказания. 23 апреля в ходе 12-часового заседания присяжные, проведя четыре голосования, решили: смертная казнь в газовой камере. Адвокаты потребовали нового рассмотрения дела, так как суд отверг ходатайство защиты о договоренности, что в обмен на признание виновным в умышленном убийстве Сирхану оставляют жизнь. Тут на имя судьи Г. Уокера пришло письмо, написанное изящным почерком. Эдвард Кеннеди, получив согласие всей семьи, просил не казнить убийцу. Он писал: «Мой брат был любвеобильным человеком, полным высоких чувств и сострадания. Он не захотел бы, чтобы его смерть стала причиной смерти другого человека. Припомните, что он говорил, узнав о гибели Мартина Лютера Кинга. Тогда он сказал: «Нам в США нужны не разногласия, нам в США нужна не ненависть, нам в США нужны не насилие и беззакония, а мудрость и сострадание в отношениях между нами... Если мой брат считается настоящим человеком, тогда сказанное им должно быть брошено на чашу весов в пользу сострадания, милосердия и божественного дара — жизни». Э. Кеннеди пришел к своему решению по многим причинам. Как заметил журнал «Time», «близкие сотрудники Кеннеди стали говорить о возможных последствиях смертного приговора. Борцы за гражданские права могут начать кампанию за спасение Сирхана от газовой камеры. Друзья ожидали демонстраций перед канцелярией Теда в сенате и домом Этель в Хикори-Хилл»⁴³.

Но судья Г. Уокер 21 мая 1969 г. отверг все ходатайства о замене смертной казни тюремным заключением. Сирхана отправили в камеру смертников тюрьмы Сен-Кентин. Защита подала апелляцию. «Теперь-то и начинается настоящая борьба», — оптимистически заявил приговоренный к смерти.

8. Некоторые итоги

Случилось это в начале 1967 года. На великосветском рауте в Вашингтоне Аверелл Гарриман высмотрел в толпе гостей одного английского журналиста, представлявшего в США respectable лондонскую газету. Убеленный сединами бесплощадный политический гладиатор подошел к англичанину и изрек: «Сэр Уинстон Черчилль сказал, что лишь немногие понимают политику своей страны, но никто не может понять политику другой страны. Я считаю, что это наименьший из ваших пороков. Вы жур-

⁴³ «Time», May 30, 1969, p. 19.

налист, неспособный на правдивое признание фактов и не испытывающий ни малейшей симпатии ни к народу, ни к институтам, которые дороги нашей стране. Отныне я вас не приму ни дома, ни на работе». «Премного благодарен, сэр», — нашелся невозмутимый англичанин. Что же, собственно, сделал этот журналист, Генри Фэрли, из лондонской «The Sunday Telegraph»? Он всего лишь приехал в Гарвард, прошелся по аспирантуре имени Джона Ф. Кеннеди и заглянул в Институт политики. Журналист рассказал о некоем феномене в статьях, появившихся 15 января 1967 г. в английской «The Sunday Telegraph» и американской «Washington Post and Times Herald».

Первая из этих газет не преминула злорадно прокомментировать в редакционной статье: «Тревожный рассказ Генри Фэрли о том, как семья Кеннеди использует громадное богатство, находящееся под ее контролем, чтобы добиться политического влияния и в конечном счете вновь захватить Белый дом, напоминает больше нравы Англии XVIII в., чем Америку XX столетия. В прошлом у нас ведущие аристократические семьи монополизировали таланты, образовывали личные фракции и клики, надеясь захватить власть, пока развитие демократии не положило конец этой практике. Поразительно, как аристократическое зло, выкорчеванное в Англии более ста лет назад, растет в демократической Америке при горячей поддержке всего цвета американского либерализма. Что давно запретили делать Сесилиям и Кавендишам у нас, то семейство Кеннеди начинает безнаказанно проделывать в Америке».

Лондонская газета в общем подтверждала суждение Черчилля, хотя политическая действительность Америки предстала в передовице в неочном виде. Ее автор упустил из виду существенное обстоятельство: связь между деньгами и властью носит куда более сложный характер. Кеннеди сказочно богаты. Это несомненно. Трумэн и Эйзенхауэр были людьми с более скромным достатком. Но никто не бросит им упрека в том, что они не выполняли воли класса, поставившего их у власти. Что касается братьев Кеннеди, то за привилегию заниматься политикой по своему усмотрению они отдали не только жизни, но и значительные финансовые средства, почерпнутые из фондов семьи. Речь в принципе идет о другом — о власти, ее границах и способах ее применения. Здесь деньги играют несколько иную роль. Водораздел в США в отношении Джона Кеннеди наметился не из-за богатства семьи (в глазах обуржуазившегося среднего американца это скорее достоинство, чем недостаток), а был создан методами осуществления им президентской власти. Вопрос при оценке братьев Кеннеди упирается в концепцию самой президентской власти. Нужна ли она тем, кто считает себя «американским обществом» и берет смелость говорить от лица всего народа? Избрание Дж. Кеннеди президентом, казалось, дает положительный ответ. Но обратимся к профессору Артуру Шлезингеру.

В 50-е годы он провозглашал: США прозябают в «эре беспечности, пассивности и фатализма». На исходе десятилетия он диагностировал сформулированную им причину этого: американцы забыли, что историей движат вперед сильные, талантливые личности. А если так, то нужно обстоятельно изучить роль личности в истории, что Шлезингер и проделал, обобщив свои наблюдения в исследовательских статьях «Упадок величия» («Saturday Evening Post» от 1 ноября 1958 г.) и «О героическом руководстве» («Encounter», декабрь 1960 г.). Он попытался доказать: именно тогда Джон Ф. Кеннеди вырос в национальную фигуру; стране нужен Цезарь; нужен, как хлеб и воздух. Шлезингер открыл: «Существует любопытное противоречие между теорией и практикой демократии, ибо на практике демократия как форма правления принимала (более того, регулярно требовала и выдвигала) героическое руководство». В подтверждение своей точки зрения он вызвал тени «отцов — основателей республики», которые, заверял профессор, всегда стояли за сильное руководство. В общем он постарался вдребезги разбить концепцию, в которую самодовольно верят средние, буржуазно мыслящие, законопослушные американцы, что они-де живут в условиях демократии.

Мысль профессора развивалась весьма замысловато. Им делалась попытка синтезировать совершенно разнородные элементы. Шлезингер благочестиво настаивал, что верно следующее положение В. Вильсона: «Немногие просвещенные лица могут быть хорошими лидерами только в том случае, если они донесли свое кредо до многих, если они сумели превратить свое мышление в массовое и популярное». Спустя две стра-

ницы Шлезингер заявлял: «Настоятельно необходимо реконструировать демократическую теорию, чтобы дать нам возможность разрешить проблему руководства... Классическая теория демократии служит питательной почвой для всех нас. Однако в своей строгой чистоте она была источником бесконечных бед. Отказывая позитивному руководству в надлежащей роли, эта теория связала руки демократических обществ... Классическая идеология ввела в заблуждение народ не только относительно своих лидеров, но и относительно их самих. Гражданин в демократическом обществе просто не может играть роль, предусмотренную для него классической философией. Теоретически он наделен властью и инициативой, которыми не располагает на практике»⁴⁴.

Вероятно, Шлезингер полагал, что его мысли — ужасное новаторство. На деле он перелицовывал дряхлую теорию героя и толпы, хотя и показал достаточно реалистически, что в хваленной «демократии» США права гражданина — пустой звук. Рассуждения Шлезингера отчасти напоминают парадоксы «Великого Инквизитора» у Ф. М. Достоевского. В собирательном образе мрачного старца, вызванного к жизни пером российского писателя, можно при желании рассмотреть мелкотравчатого за океанского профессора. «Великий Инквизитор» задолго до Шлезингера разрешал в том же духе проблему вождя и народа, презрительно именуя последний «стадом». В его уста и в куда более совершенной художественной форме Ф. М. Достоевский вложил поучение, что люди счастливы лишь тогда, когда передоверяют свою судьбу другим.

И вот Шлезингер озирается вокруг: в мире «не осталось» великих людей, вершивших судьбы человечества совсем недавно, в 40-е годы. «Нигде нет колоссов, нигде нет гигантов». Мелкие пошли людишки: «Наш век не имеет героев; хорошо это или же плохо для нас и для цивилизации, — еще заслуживает тщательного рассмотрения». Изучив под разными углами зрения поставленную им проблему, Шлезингер пришел к выводу: получается плохо вообще, а особенно скверно для Америки. Стране, требовал Шлезингер, нужны в политике Прометей.

Профессор закончил свои рассуждения в героическом духе: «Век без великих людей тащится в хвосте истории. Великая притягательная сила фатализма, в сущности, есть убежище от ужаса ответственности. Фатализм, таким образом, благословляет наши слабости и извиняет наши промахи... Мы не должны самодовольно относиться к нашей кажущейся способности обходиться без великих людей. Если наше общество утратило желание иметь героев и способность выдвигать их, может оказаться, что мы утратили все»⁴⁵. Шлезингер ради доказательства своего тезиса пустил в ход все, мобилизовав до конца теоретические ресурсы американской политической науки. Его статьи — образец словесной эквилибристики. Он усиленно вербовал сторонников, записав в их число профессора С. Хука, еще в 1943 г. выпустившего исследование «Герой в истории», и приписал своему коллеге мнение, что на ход событий «великие люди могут оказать решающее воздействие». Между тем в упомянутой книге С. Хук применительно к политической системе США утверждал противоположное: место великим только «в пантеоне мысли, идеи, социальной деятельности, научных достижений и изобразительного искусства»⁴⁶.

Однако годы президентства Кеннеди дали основание предполагать, что Америке нужен «сильный человек».

По всей вероятности, осознание именно этого обстоятельства побудило Теодора Соренсена, одного из влиятельнейших идейных душеприказчиков покойных президента и сенатора, в конце 1969 г. дать развернутое объяснение идеям Кеннеди применительно к нашим дням. Основательность повода для Соренсена, чтобы высказаться, сомнений не вызывала: на выборах 1970 г. он баллотируется в сенат от организации демократической партии штата Нью-Йорк, то есть пытается надеть башмаки, которых Роберт Кеннеди не износил. «Джон и Роберт Кеннеди, — уверяет кандидат в сенаторы, — самой своей жизнью доказали, что индивидуум может схватиться с силами, которые считаются укоренившимися, установившимися нравами и обычаями, и изменить их. Но они ушли в небытие. Ныне молодежь и угнетенные, естественно, скептически настроены в отношении того, продержится ли наследие Кеннеди». Ну, нет, отве-

⁴⁴ A. Schlesinger. The Politics of Hope. Boston. 1962, pp. 6, 21.

⁴⁵ Ibid., pp. 23, 24, 33.

⁴⁶ S. Hook. The Hero in History. Boston. 1960, p. 227.

чает на это Соренсен своей книгой «Наследие Кеннеди», оно живо и даже способно к новому развитию. Только «теперь двигать его вперед должны другие». Что же все-таки двигать? Соренсен объясняет: нужно «реконструировать наше общество» на путях, намеченных братьями Кеннеди. «Оба они решительно возражали, когда их квалифицировали либералами. Суть наследия Кеннеди — повести страну и ее политическую мысль дальше традиционного либерализма... Они верили в нововведения, реформы, эксперименты и мирную революцию против статус-кво». Все это возможно осуществить только претворением в жизнь доктрины сильной президентской власти, введя в дело «как писанные, так и неписанные прерогативы президентства». Именно так действовал Дж. Кеннеди в 1961—1963 гг., а «в 1968 г. Роберт Кеннеди отличался от многих либералов (антагонизированных президентством Джонсона) тем, что продолжал подчеркивать необходимость руководства на этом посту».

В заключение Соренсен написал: «Ныне в нашей стране больше людей, чем когда-либо раньше, находятся в гневе и отчаянии, в то время как неслыханное раньше количество людей наслаждается всеми благами жизни. Некоторые винят творца, но Джон Кеннеди напоминал нам: «Здесь, на Земле, дело бога, в сущности, в наших руках». Это уже отчасти мистика, вызванная личным желанием автора явиться свидетелем торжества «кеннедизма». Оно и понятно: Т. Соренсен признался, что «для меня наследие обоих Кеннеди — сумма самых важных идей нашего времени»⁴⁷. Если уж говорить о «наследии Кеннеди», то вопрос сводится к тому, что окажется сильнее: концепция так называемого «вильсонизма» (сильного президента) или теории, развиваемые Фулбрайтом, который высказывался за «взаимодействие многих умов, ни один из которых не является великим». Иначе говоря, торжество или падение «кеннедизма» в США зависит не только от самих США, а и от развития всего мира. Ответ даст в целом не столько американская, сколько всемирная история.

⁴⁷ T. Sorensen. Op. cit., pp. 276, 265, 269, 395.